

Андрей **ГАНИН**,
кандидат исторических наук

«ИЗМЕНА И ПРЕДАТЕЛЬСТВО ПОВЛЕЧЁТ АРЕСТ СЕМЬИ...»

Заложничество семей военспецов — реальность или миф?

Осенью этого года читателей «Родины» ждёт знакомство со специальным выпуском нашего журнала «Неизвестная Красная армия», посвящённым истории создания советских Вооружённых сил в годы Гражданской войны. Стремясь удовлетворить нетерпение читателей, редакция начинает публикацию материалов по этой интереснейшей теме.

В постсоветской историографии, в СМИ, а через них и в общественном сознании уже довольно прочно утвердился тезис о том, что в годы Гражданской войны бывшие офицеры служили в Красной армии под жесточайшим контролем. Одной из основных составляющих такого контроля над военспецами считается учёт их семейного положения в целях ареста, а возможно, и последующего уничтожения их близких в случае измены. Вопрос о заложничестве и репрессиях в отношении членов семей военспецов крайне политизирован. Однако почему-то исследователи и публицисты, отстаивающие такую дополнительную кровожадность большевиков, не только не приводят конкретных примеров, но и закрывают глаза на находящиеся в явном противоречии с этой точкой зрения сотни случаев измены военспецов советской власти, имевших место на всём протяжении Гражданской войны. Ведь, казалось бы, окажись родственники военспецов в заложниках с угрозой неминуемого ареста и расстрела, массовые измены были бы немыслимы. Тем не менее этого не произошло. Попробуем разобраться, как же обстояло дело в действительности.

Сразу оставим за рамками эксцессы бандитизма и мародёрства, в ходе которых могли страдать семьи военспецов, и сосредоточимся лишь на вопросе о наказании в отношении семей тех, кто изменил советской власти. В центре нашего внимания будут прежде всего семьи бывших офицеров Генерального штаба — представителей военной элиты и людей, находившихся вследствие своей немногочисленности и особого, исключительно высокого положения в комсоставе, на виду и, соответственно, более удобных в плане надзора.

Очевидно, что военспецы не были группой лиц, полностью лояльных большевикам. Последние в свою очередь также относились к спецам с подозрением, не исключая даже тех, кто служил новой власти вполне добросовестно. Как ещё в 1962 году справедливо отметил С. А. Федюкин: «Фактов измены и предательства было бы значительно больше, а последствия их тяжелее, если бы партия не установила твёрдого и бдительного контроля за деятельностью военных специалистов в лице института военных комиссаров»¹. Первоначально вся ответственность за измены военспецов возлагалась на комиссаров, однако события лета 1918 года показали недостаточность такого контроля. Комиссары не могли предотвращать измены даже в немногочисленной касте генштабистов, не говоря уже об остальной офицерской массе. Взаимоотношения командиров и

комиссаров приобретали личный характер, при котором имели место как конфликты и конфронтации, так и симпатии. Не случайно председатель РВСР Л. Д. Троцкий 21 мая 1919 года сообщал своему заместителю Э. М. Склянскому для последующей передачи Ленину: «Эти фронтовые привязанности — наша общая беда»². Разумеется, наличие дружеских отношений командиров и комиссаров вело к снижению уровня контроля за военспецами. Недостаточность комиссарского контроля для предотвращения измен привела к поискам иных форм борьбы с ними.

Обязательная регистрация бывших офицеров в Советской России началась в основном летом 1918 года, но в регистрационных материалах того периода (в частности, при регистрациях в Москве³) ещё не было данных о семейном положении регистрируемых. В учётных кар-

точках и списках фиксировались только адреса офицеров, что пока ещё не было увязано с адресами семей, но во многих случаях позволяло установить их местонахождение. Однако уже осенью 1918-го в анкетах встречаются разделы «Адрес семьи», а, например, 1920 годом датированы анкеты с пунктом «Адрес семьи, а для холостых — ближайших родственников»⁴. Вопрос о проверке указывавшихся анкетных данных остаётся открытым.

5 сентября 1918 года в Советской России официально появился институт заложничества, легализованный приказом главы НКВД Г. И. Петровского. Инициативу поддержал и Троцкий, распространив её на семьи бывших офицеров и военных чиновников. Его приказ от 30 сентября гласил: «Предательские перебеги лиц командного состава в лагери неприятеля, хотя и реже, но происходят до настоящего дня. Этим чудовищным преступлениям нужно положить конец, не останавливаясь ни перед какими мерами. Перебежчики предают русских рабочих и крестьян англо-французским и японо-американским грабителям и палачам. Пусть же перебежчики знают, что они одновременно предают и свои собственные семьи: отцов, матерей, сестёр, братьев, жён и детей. Приказываю штабам всех армий Республики, а равно окружным комиссарам, представить по телеграфу члену Реввоенсовета Аралову списки всех перебежавших во вражеский стан лиц командного состава со всеми необходимыми сведениями об их семейном положении. На т. Аралова возлагаю принятие, по соглашению с соответственными учреждениями, необходимых мер по задержанию семейств перебежчиков и предателей»⁵. Пока что речь шла только о семьях ранее изменивших советской власти военспецов. Однако не было указано, что делать с задержанными.

К октябрю 1918 года, по некоторым данным, в заложниках находилось свыше 8000 бывших офицеров. Очевидно, что массовое заложничество было бессмысленным. Поэтому по предложению Троцкого те из заложников, кто не был причастен к контрреволюционной деятельности, решением ЦК РКП(б) были освобождены. Освобождаемые должны были представить списки своих семей, которые были бы арестованы в случае перехода этих бывших офицеров к противнику⁶. Постановлением VI Всероссийского Чрезвычайного съезда Советов от 6 ноября 1918 года освобождению подлежали все заложники, «кроме тех из них, временное задержание которых необходимо как условие безопасности

Учётная карточка бывшего генерал-майора М. Н. Вахрушева, прошедшего регистрацию офицеров в Москве в августе 1918 года. ГАРФ. Публикуется впервые.

Титульный лист списка бывших офицеров, зарегистрированных в Алексеевском военном училище в Москве с 6 по 13 августа 1918 г. ГАРФ. Публикуется впервые.

№ 2478

№ _____

Фамилия, имя и отчество *Вахрушев М.Н.*

Возраст *53*

Адрес *Арбатск. д. 44 кв. 23*

№ Учетной карточки *115*

Куда отправлен *в ман. М.*

(Подпись владельца) *М. Н. Вахрушев*

(Подпись составляющего) *Мичур*

1918 г.

СПИСОКЪ БЫВШИХЪ ОФИЦЕРОВЪ, ЗАРЕГИСТРИРОВАННЫХЪ ВЪ АЛЕКСЕЕВСКОМЪ УЧИЛ. 6/13 АВГУСТА

Фамилия, имя и отчество	Возраст	Адрес	№ Учетн. карт.	Куда отправлен
1/Асдуловъ Анат.Ник.			762	въ ман.
2/Абракинъ А-ръ Дмитр. 27 л. Ст.Куосково, д.Мартынова			№571	въ ман.
3/Абрамовъ А-ръ 25 л. Софийка, 4, кв. 16			№ 2667	
4/Абрамовъ В.Я. 24 г. Волховка, 17, кв. 2			№ 456	
5/Абрамовъ Серг.Ефим. 29 л. Зацѣпа, 7, кв. 8			№ 1479	въ ман.
6/Абрамовъ Сем. Гас. 30 л. 3 Донской пер., 7, кв. 1			№ 638	въ ман.
7/Абрамовъ Серг.Сем.				въ ман.
8/Абрамовъ Ф.Ф. 25 л. Чухлинка, 1 ор. пров., дач.Аксенова				
9/Абрамовичъ Иван.Гавр. 47 л. Кудриноская, Садовая, 23, кв. 79				
10/Абрикосовъ В.И. 40 л. Никитский б., 15, кв. 7				
11/Абрикосовъ Ник.Ник. 46 л. Генеральная, 10/12			№ 133/209	въ ман.
12/Абросимовъ А.А. 27 л. Спасо-Песковский, 1, кв. 2			№ 381	
13/Абросимовъ В.Я.				
14/Абуладзе М.А. 22 г. Пречистенка, Мертвый пер., 14, кв. 7			№ -	въ ман.
15/Августиновичъ Иос.Алам. 32 г. Ст.Баоманная, 13, кв. 20			№ 957	
16/Августиновичъ В.М.			№ 354	
17/Авдѣевъ			№ 991	
18/Авдѣевъ Тих.Конот. 19 л. 3 Мѣшанская, 47, кв. 2			№ 420	въ ман.
19/Авербухъ М.М. 22 г. Пятницкая, 6, кв. 30			№ 647	
20/Аверкинъ А-ръ Конот. 24 г. Б.Пасок., Красноор. туп., 6, кв. 14				
21/Аверьяновъ А-сья Григ. 22 г. Б.Овчинниковъ, 3, кв. 13			№ 1603	
22/Аверьяновъ-Рыковъ М.р. 34 г. Б.Каменщики, 26, кв. 1			№ 795	въ ман.
23/Авиловъ Руф.Руф. 54 г. 4 Тверская-Ямская, 14, кв. 18			№ 1276	
24/Авиловъ Р.Р.			№ 95	
25/Аврамовъ И.С. 29 л. Ростовский пер., 15, кв. 13			№ 898	
26/Аврамовъ Н.С. 20 л.			№ 899	въ ман.
27/Аврамовъ П.А.				
28/Агаджанянцъ				
29/Агаповъ Ник.Викт. 43 г. Ст.Башиловка, 9, кв. 1			№ 329	въ ман.
30/Агаповъ А-ръ Бор. 22 г. Зубовский, 29, кв. 12				
31/Агаповъ М.В. 23 г. Краснохолмск., 4, кв. 20			№ 357	
32/Агаповъ Петр.Дмитр. 23 г. Н.Спаский, 4			№ 513	
33/Агаповъ С.р.				

товарищей, попавших в руки врагов»⁷. Брат заложников по этому постановлению отныне могла только ВЧК.

Учётом военспецов в РККА занимались сами же военспецы. Они едва ли могли выступать активными проводниками репрессивной политики в отношении семей таких же бывших офицеров. Вполне можно допустить, что они сознательно саботировали требования Троцкого. Однако, как выясняется, даже семьи многих заведомых контрреволюционеров, в том числе видных деятелей антибольшевистского лагеря, спокойно жили в Советской России и не подвергались серьёзным репрессиям.

Например, семья известного белого генерала Владимира Оскаровича Каппеля проживала в Перми. Его супруга, Ольга Сергеевна Стрельман, жила под девичьей фамилией, в 1918–1919 годах она даже работала в штабе 3-й армии красных машинисткой. В одной из анкет она указала, что её муж, после чего, разумеется, была уволена без права поступления на службу в военные учреждения. По одной из версий, она уехала в Москву, где смогла устроиться в государственное казначейство. В мае 1919 года Стрельман была арестована как заложница ВЧК, находилась в Бутырской тюрьме до марта 1920 года, когда ей сообщили о смерти мужа и предложили оформить развод⁸. По свидетельству дочери Каппеля, арест матери произошёл в Глазове (штаб 3-й армии с декабря 1918 года), а затем за Стрельман вступились (!) руководители ВЧК Ф. Э. Дзержинский и В. Р. Менжинский, причём последний предложил ей работу в Наркомфине на условиях оформления заочного развода с мужем, более того, с 1 апреля 1919 года Стрельман там и работала⁹.

Таким образом, супруга одного из самых известных вождей антибольшевистского лагеря провела в заключении, по различным версиям, от четырёх до десяти месяцев. Назвать «заложничеством» этот непродолжительный арест с противоречивыми обстоятельствами можно лишь с натяжкой. Достоверность же эмигрантских рассуждений о некоем предложении Каппелю «ослабить свои удары по красным» в обмен на освобождение супруги и пафосном ответе генерала: «Расстреляйте жену, ибо она, как и я, считает для себя величайшей наградой на земле от Бога — это умереть за Родину. А вас я как бил, так и буду бить»¹⁰, кажется крайне сомнительной. Хотя бы потому, что своих ударов Каппель не ослаблял, а его жена, несмотря на это, была довольно быстро освобождена. Тем более сложно предположить,

Генерал-майор Владимир Оскарович Каппель.

Ольга Сергеевна —
супруга генерала В. О. Каппеля.

при каких обстоятельствах могло быть сделано подобное предложение.

В Советской России находились семьи и других видных деятелей антибольшевистского лагеря, например, семья начальника петлюровского ГУГШ и военного министра генерала Сергея Ивановича Дядюши (1870–1933)¹¹. О том, что она подвергалась преследованиям, данных нет. Во всяком случае, его близкие благополучно пережили Гражданскую войну, а после войны Дядюша вёл интенсивную еженедельную переписку с проживавшей в Москве семьёй уже из эмиграции. Весной–летом 1918 года в занятом красными Оренбурге спокойно проживал отец знаменитого вождя Белого движения атамана Дутова.

Лишь через месяц с лишним после приказа Троцкого, в ноябре 1918 года, военком Полевого штаба РВСР Семён Иванович Аралов (1890–1969), на которого

председателем РВСР были возложены обязанности задерживать семьи перебежчиков и предателей, действительно потребовал арестовать семьи перебежчиков из предложенного им сравнительно небольшого списка. Впрочем, единственным высокопоставленным лицом в этом списке был генштабист И. Г. Пехливанов; остальные же, за некоторым исключением, серьёзных постов не занимали¹². Было ли что-то предпринято в действительности, неизвестно, тем более что семья Пехливанова находилась за пределами Советской России. Документов, отражающих другие инициативы Аралова в этом отношении, обнаружить не удалось.

Стоит отметить, что Аралов и сам являлся бывшим офицером. Недоброжелатели считали его человеком, намеренно искажавшим свою биографию и приписывавшим себе партийный стаж сверх имевшегося на самом деле, меньшевиком по взглядам и чуть ли не покровителем военспецов-изменников, создателем «араловщины». Уже после смерти Аралова несколько ветеранов Гражданской войны — щорсовцев — составили о нём довольно нелюбимый рукописный очерк. Ветераны утверждали, что «в годы Гражданской войны с именем Аралова связана и около высокого араловского поста подвизается целая полдюжина шпионов и предателей». И это обстоятельство объясняется опять чистой «случайностью». Не слишком ли уж много «случайностей» — случайных совпадений связано с именем Аралова? Бывает ведь и так, что «случайности» связаны с закономерностью¹³. При всей предвзятости такой характеристики Аралов действительно не проявил усердия в деле исполнения воли Троцкого.

Небезынтересно и то, что чекисты самоустранились от работы по сбору подписанием об ответственности семей военспецов. Председатель Петроградской ЧК В. Н. Яковлева 2 ноября 1918 года сообщила на запрос Троцкого, что подписка об ответственности семейств является делом военного ведомства и может быть осуществлена приказом по армии¹⁴. Речь шла об арестованных военспецгах, с которых, видимо, должны были взиматься соответствующие подписки перед их освобождением.

Поскольку измена штабного офицера могла быть гораздо опаснее измены строевого¹⁵, заложничество, казалось бы, должно было использоваться прежде всего для устрашения «лиц Генштаба», тем более что их было сравнительно мало. Однако анализ документов показал, что это была скорее декларированная угроза большевиков.

Как уже отмечалось, Троцкий 30 сентября 1918 года потребовал установления семейного положения изменивших большевикам военспецов, однако в конце года, учитывая многочисленные новые случаи измены, он вернулся к этому вопросу. 20 декабря он телеграфировал в отдел военного контроля РВСР, что со времени прошлой телеграммы «произошёл ряд фактов измены со стороны бывших офицеров, занимающих командные посты, но ни в одном из случаев, насколько мне известно, семья предателя не была арестована, так как, по-видимому, регистрация бывших офицеров вообще не была произведена. Такое небрежное отношение к важнейшей задаче совершенно недопустимо. Предлагаю Вам в кратчайший срок заняться выполнением возложенной на Вас в своё время задачи, используя для этого аппарат Всебюркомвоен¹⁶ с одной стороны и аппарат Военного Контроля — с другой»¹⁷. Речь шла теперь о превентивных мерах — учёте семейного положения пока ещё лояльных большевикам военспецов. Завершить сбор данных требовалось не позднее 1 января 1919 года. Телеграмма была разослана также на все фронты и всем начальникам окружных штабов. Таким образом, по состоянию на конец декабря суровое распоряжение всё ещё оставалось на бумаге.

Как оказалось, Троцкий не учёл перегруженности штабов оперативной и организационной работой, при которой штабам не хватало времени на такие излишества, как установление семейного положения всех подчинённых военспецов. Большевистская бюрократическая машина едва справлялась с учётом самих военспецов, не говоря уже о членах их семей. По всей видимости, централизованный учёт данных о десятках тысяч военспецов с их семьями оказался всё же непосильной задачей для советской военной бюрократии.

В некоторых случаях¹⁸ анкеты спецов предусматривали заполнение пункта «Адрес семьи», но далеко не всегда и не везде. Кроме того, неизвестно, проверялись ли анкетные данные, записанные со слов бывших офицеров. Нисколько не смущаясь прямым указанием Троцкого, работники штаба Северного фронта в январе 1919 года даже пожаловались, что данное требование загружает их работой в ответственный период реорганизации армии¹⁹.

В других местах по пути прямого игнорирования приказа не пошли и начали составлять бумаги с требованиями присылать списки военспецов с данными об их семьях и адресами. Штаб Орловского

военного округа, например, 28 декабря 1918 года рассылал следующий приказ: «По приказанию Председателя Революционного Совета Республики товарища Троцкого требуется установление семейного положения командного состава бывших офицеров и чиновников и сохранение на ответственных постах только тех из них, семьи которых находятся в пределах советской России, и сообщение каждому под личную расписку — его измена и предательство повлечёт арест семьи его и что, следовательно, он берёт на себя, таким образом, ответственность за судьбу своей семьи...»²⁰ Для этого должны были быть составлены списки со всей необходимой информацией, причём не только по перебежчикам, как требовалось изначально, но уже по всем военспецам вообще. В случае измены военспецов члены их семей подлежали аресту. Удивительно, что составление списков началось лишь в самом конце 1918 года, через три месяца после изначального приказа Троцкого.

Нам не удалось обнаружить документов, в которых Троцкий требовал бы оставления на службе только тех военспецов, семьи которых находились на советской территории. Не стоит забывать, что в РККА существовала острейшая нехватка квалифицированных командных кадров, а заниматься чисткой рядов в связи с казавшимся надуманным обвинением в отсутствии семьи на советской территории командованию из таких же бывших офицеров или комиссарам явно не хотелось. Особенно много семей военспецов находилось на территории Украины. Например, дочь крупного военспеца бывшего генерала-генштабиста А. Ф. Добрышина жила в Купянске Харьковской губернии, в том числе в то время, когда город находился на территории белых²¹. Семья одного из создателей Полевого штаба РВСР П. М. Майгура находилась на Украине, но его службе в РККА это обстоятельство никак не мешало²². Семья генштабиста З. И. Зайченко также находилась на Украине, причём военспец не имел с ней никакой связи²³. Семья известного белого агента в РККА В. Я. Люндкевича находилась в Крыму²⁴. Там же проживали дети генштабиста С. Г. Лукирского, причём в августе 1918 года военспецу было разрешено лично забрать их оттуда²⁵. Один из видных перебежчиков бывший генерал В. Е. Борисов вообще был холостяком.

Известны документы о том, что, например, слушателей курсов разведки и военного контроля, родственники которых находились на территории противника, считали неблагонадёжными²⁶. Вместе с

тем нет данных о каких-либо ограничениях по службе в отношении этих лиц.

В начале 1919 года аппарат военного контроля, который должен был арестовывать семьи военспецов, был упразднён (путём поглощения органами ВЧК), а его функции перешли к Особому отделу ВЧК. Кроме того, борьба с семьями могла вызывать недовольство лояльных красным военспецов и повлечь ответные меры антибольшевистских сил, ведь фронты Гражданской войны разделили и семьи большевиков. Всё это, по всей видимости, привело к тому, что на уровне системы заложничество семей военспецов в Советской России не практиковалось.

Не может быть никаких иллюзий и сомнений в том, что в случае настоящей необходимости репрессии против членов семей изменников могли быть применены. Военспецы, очевидно, были осведомлены об этом. Одной подобной угрозы уже было достаточно, чтобы многие решали не испытывать судьбу и не рисковать жизнью и здоровьем ближайших родственников. В то же время слухи о заложничестве семей были удобным оправданием при попадании в плен. Взятые белыми в плен военспецы на Северном фронте на вопрос, почему они не перешли к белым добровольно, отвечали, что не могли этого сделать, поскольку семья была в заложниках. По всей видимости, подобные оправдания службы у красных были достаточно распространены и не особенно убедительны для белых: мемуарист приводит недовольный ответ опрашиваемого пленных: «Рассказывайте... все вы так говорите»²⁷. Однако без лишней необходимости военспецы старались не искушать судьбу. Не случайно, например, известный перебежчик, командующий 9-й армией генштабист Н. Д. Всеволодов, перебежал к белым летом 1919 года вместе с семьёй²⁸.

Что же происходило на практике? Генштабист Г. И. Теодори после ареста беспокоился, не были ли арестованы его жена и сестра²⁹. Между тем с его жены была лишь взята подписка о невыезде³⁰. Весной 1919 года через несколько месяцев после исчезновения бывшего Генштаба капитана А. Н. Цурпалёва установлением его семейного положения занялись сотрудники Всероссийского Главного штаба, где он ранее служил на ответственной должности старшего делопроизводителя оперативного управления. Однако их постигла неудача. Послужного списка Цурпалёва в штабе не оказалось, в последнем подробном списке Генштаба на 1914 год он не значился, поскольку только поступил в академию в 1913 году, а по частным сведениям родных в Москве у него не было³¹. Пример Цурпалё-

ва наглядно свидетельствует об отсутствии учётных данных о семейном положении даже высокопоставленных военспецов весной 1919 года. В то же время длительные поиски родственников Цурпалёва такими же, как он, военспецами без подключения чекистов скорее свидетельствуют о попытке разобраться в произошедшем, чем о стремлении подвергнуть семью пропавшего репрессиям.

Известен случай, когда жена арестованного военспеца, генштабиста Н. Н. Доможирова, в 1919 году добровольно предложила себя в качестве заложницы за мужа. В обращении к Троцкому отчаявшаяся женщина писала: «Если же дело затягивается, на колени умоляю Вас освободить моего мужа, а меня посадить в тюрьму заложницей за него — ведь тогда само собой отпадёт недоверие к мужу — единственная причина его заключения»³². Подобное предложение принято не было, а Доможирова вскоре освободили.

В переписке Полевого штаба РВСР приводились сведения о семьях перебежчиков³³, однако упоминаний о репрессиях в их отношении обнаружить не удалось. Фактически же массовое заложничество членов семьи оставалось лишь декларированной угрозой, поскольку документальных свидетельств применения такого рода репрессий не обнаружено. Антибольшевистская мемуаристика, являющаяся основным источником подобных сведений, хотя и на уровне единичных упоминаний, представляется ненадёжным источником. Тем не менее объективность требует упоминания этих свидетельств.

В частности, военспец РККА генштабист Махров в конце августа 1919 года передал через линию фронта своему родному брату, начальнику военных сообщений Кавказской армии Генерального штаба генерал-майору П. С. Махрову, известие о том, что он служит в РККА по принуждению, находится под контролем военного комиссара и не может перейти к белым, поскольку в заложниках у большевиков остаются его жена и дочь³⁴. О том, насколько такого рода сведения соответствовали действительности, данных нет. К тому же нельзя полностью исключить возможное стремление Махрова обеспечить своё будущее на фоне успешного продвижения белых к Москве и изобразить себя в качестве вынужденного сотрудника большевиков (по нашим данным, в РККА Махров поступил добровольно³⁵).

Генерал от кавалерии В. А. Сухомлинов с супругой.

По свидетельству одного из мемуаристов, после перехода к белым бывшего генерала и руководителя антибольшевистского военного подполья в Москве Н. Н. Стогова большевиками была казнена его жена³⁶. Проверить эти сведения не представляется возможным. По данным на 1914 год у Стогова была большая семья из пятых детей³⁷. Необходимо учесть, что бегство Стогова, одного из самых высокопоставленных военспецов РККА, было настоящей пощёчиной для большевиков, которые даже на уровне первых лиц знали о подозрениях против него, а сам Стогов дважды арестовывался в 1918–1919 годах. Реакция большевиков могла быть совершенно не предсказуемой. Не исключено, что на волне возмущения репрессиям могла подвергнуться семья перебежчика. Кроме того, по некоторым данным, как заложница была казнена супруга бывшего военного министра генерала В. А. Сухомлинова³⁸. Разумеется, в этом случае не шла речь о семье военспеца-изменника, хотя бы потому, что Сухомлинов не служил в РККА.

Всего в 1919 году был взят 5491 заложник³⁹. На заседании ЦК РКП(б) 15 июня 1919 года был рассмотрен проект декрета о расширении права расстрела, предложенный Дзержинским⁴⁰. По утверждению историка спецслужб О. Б. Мозохина, Дзержинский предлагал расстреливать семьи перебежчиков и преступников, что не встретило поддержки⁴¹. Впрочем, Мозохин неверно датирует это заседание ЦК, а об отклонённом предложении расстреливать семьи в изученных нами документах не упоминается.

Троцкий не оставил идеи с арестами семей изменников и в 1919 году. Так, в секретной «Инструкции ответственным работникам 14-й армии», составленной 9 августа 1919 года, он среди прочих мер, необходимых для восстановления боеспособности армии отмечал: «Каждый комиссар должен точно знать семейное положение командного состава (выделено в документе. — А. Г.) вверенной ему части. Это необходимо по двум причинам: во-первых, чтобы прийти на помощь семье в случае гибели командира в бою, во-вторых, для того, чтобы немедленно арестовать членов семьи в случае измены или предательства командира. Все сведения о семейном положении командного состава и политработников должны быть сосредоточены в политотделе Реввоенсовета армии»⁴². Подобное требование Троцкого напрямую свидетельствует о том, что эта мера к августу 1919 года всё ещё не применялась в РККА. Кроме того, едва ли арест семьи с последующим её освобождением (о более суровых мерах в отношении семей изменников не говорилось) мог остановить решившихся на измену.

Наконец 17 декабря 1919 года был издан приказ президиума ВЧК № 208 об аресте заложников и буржуазных специалистов, в котором за подписями Дзержинского и М. Я. Лациса разъяснялось, что заложник — «это пленный член того общества или той организации, которая с нами борется. Причём такой член, который имеет какую-нибудь ценность, которым этот противник дорожит, который может служить залогом того, что противник ради него не погубит, не расстреляет нашего пленного товарища. Из этого вы поймёте, что заложниками следует брать только тех людей, которые имеют вес в глазах контрреволюционеров... Они чем дорожат... Высокопоставленными сановными лицами, крупными помещиками, фабрикантами, выдающимися работниками, учёными, знатными родственниками находящихся при власти у них лиц и тому подобным. Из этой среды и следует забирать заложников. Но так как ценность заложника и целесообразность на месте не всегда легко установить, то следует

всегда запросить центр. Без разрешения президиума ВЧК впредь заложников не брать. Ваша задача взять на учёт всех лиц, имеющих ценность как заложники, и направлять эти списки нам»⁴³. По этому приказу было предписано взять на учёт всех бывших офицеров. В то же время необходимость получения в каждом случае санкции Президиума ВЧК на взятие заложников существенно ограничивала применение этой меры. О семьях бывших офицеров речь не шла.

Фактически заложничество членов семьи было крайне жестоким, слишком сложным и при этом неэффективным средством борьбы. Неотъемлемой составляющей заложничества является доведение сведений о нём до заинтересованных лиц и предъявление им соответствующих условий освобождения заложников. Требовалось не только установить факт измены, а не просто исчезновения или гибели в сложной боевой обстановке того или иного военспеца (что было нелегко) — необходимо было, кроме того, определить местонахождение его семьи (что в случае заранее подготовленной измены было практически невозможно), осуществить арест, а затем обнародовать сведения о взятии семьи в заложники и, видимо, выдвинуть какие-то требования. В противном случае механизм не работал.

Замысел Троцкого, очевидно, сводился к запугиванию тех, кто ещё не перебежал к противнику. Возведёнными в систему арестами членов семей перебежчиков, наверное, можно было запугать ещё колеблющихся военспецов, но едва ли такие действия могли остановить людей, готовых бороться до конца. Реальных рычагов воздействия на белых офицеров, даже оставивших свои семьи на советской территории, у красных не было.

Заложничество членов семей белогвардейцев и перебежчиков с предъявлением им требований через линию фронта было бессмысленным и, вероятно, даже не рассматривалось большевистским руководством.

Кроме того, репрессии против семей уже перебежавших к противнику лиц могли только озлобить перебежчиков, дав им дополнительный стимул в борьбе с большевиками. Активные контрреволюционеры при этом не ликвидировались, а преследованиям подвергались лишь невинные и беззащитные члены семьи. Подобный подход противоречил логике даже наиболее радикальных чекистов, считавших, что «в таком деле половинчатость хуже всего, она озлобляет врага, не

ослабив его»⁴⁴. Именно поэтому в роли заложников в Советской России, особенно в 1918 году, скорее могли оказаться сами бывшие офицеры, нежели их семьи.

Как мы знаем, в ранг системы репрессии против семей военспецов возвести не удалось. На уровне угрозы заложничество семей действительно выглядело устрашающе, однако попытка реализовать эту угрозу провалилась. Прежде всего красные не располагали данными обо всех семьях белых офицеров и перебежчиков, а учёт семейного положения десятков тысяч военспецов оказался слишком сложным и не был должным образом осуществлён. Ведавшие учётом кадров специалисты, по всей видимости, препятствовали взятию семей на учёт и саботировали аресты членов семей перебежчиков. Взятие заложников из семей военспецов могло озлоблять бывших офицеров, но при этом не способствовало борьбе с контрреволюцией. Возможно, советское руководство также понимало, что, начав террор против семей, оно рискует столкнуться с ответной реакцией белых.

Итак, в силу ряда объективных причин репрессии в отношении семей военспецов не получили распространения в Советской России. Если бы подобные меры практиковались красными, антибольшевистская печать не стала бы их замалчивать, а, наоборот, многократно преувеличивая, постаралась придать им максимальную огласку. Однако ничего похожего не было. Даже в антибольшевистских источниках упоминания о заложничестве семей военспецов единичны, а достоверность их не поддаётся проверке. Разумеется, мы не можем в полной мере исключить отдельных эксцессов в обстановке Гражданской войны, однако нельзя не признать, что подобные репрессии не носили системного характера.

Генерал-лейтенант Н. Н. Стогов.

Примечания

1. Федюкин С. А. Об использовании военных специалистов в Красной Армии // Военно-исторический журнал. 1962. № 6. С. 42.
2. РГВА. Ф. 33987. Оп. 2. Д. 32. Л. 85.
3. См., например: ГАРФ. Ф. Р-1245. Оп. 1. Д. 1. Д. 14.
4. РГВА. Ф. 188. Оп. 3. Д. 739. Л. 108 об.
5. Троцкий Л. Д. Как вооружалась революция. Т. 1. Тысяча девятьсот восемнадцатый год. М. 1923. С. 151.
6. Реввоенсовет Республики (6 сент. 1918 г. — 28 авг. 1923 г.). М. 1991. С. 36.
7. В. И. Ленин и ВЧК. Сб. док. (1917–1922 гг.). М. 1975. С. 117.
8. Лобанов Д. А., Станковская Г. Ф. Судьба семьи генерала Владимира Оскаровича Каппеля // Белая армия. Белое дело. Исторический научно-популярный альманах (Екатеринбург). 2004. № 14. С. 82.
9. Харитонов Е. Д. Судьба семьи русского офицера Владимира Каппеля // Военно-исторический журнал. 2007. № 1. С. 48.
10. Каппель и каппелевцы. Изд. 2-е, испр. и доп. М. 2007. С. 112.
11. ГАРФ. Ф. Р-7440. Оп. 1. Д. 35. Л. 48 об.
12. РГВА. Ф. 6. Оп. 10. Д. 11. Л. 24.

13. Центральный государственный архив общественных организаций Украины (ЦДАГОУ). Ф. 59. Оп. 1. Д. 21. Л. 31.
14. РГВА. Ф. 1. Оп. 3. Д. 66. Л. 141.
15. Об этом достаточно ярко написал генерал А. И. Деникин в своем рассказе «Исповедь» // Деникин А. И. Офицеры. М. 1991. С. 33–47.
16. Всебюрокомвоен — Всероссийское бюро военных комиссаров. Образовано 8 апреля 1918 г. в целях координации деятельности военных комиссаров. С 14 октября 1918 г. в подчинении РВСР. Упразднено по решению VIII съезда РКП(б) на пленарном заседании ЦК РКП(б) нового состава 25 марта 1919 г. Функции Всебюрокомвоена в дальнейшем выполнял Политотдел РВСР, а с мая 1919 г. — Политуправление РВСР.
17. РГВА. Ф. 104. Оп. 5. Д. 354. Л. 155 об. — 156.
18. Там же. Л. 55–64, 79.
19. Там же. Л. 238.
20. Цит. по: Критский М. Красная Армия на Южном фронте в 1918–1920 гг. (по документам и секретным приказам, захваченным в боях 1-ым Корпусом Добровольческой Армии) // Архив русской революции. Т. 18. Берлин. 1926. С. 270.

21. РГВА. Ф. 3. Оп. 1. Д. 115. Л. 43.
22. Там же. Ф. 6. Оп. 4. Д. 912. Л. 226.
23. Там же. Ф. 3. Оп. 1. Д. 57. Л. 280.
24. Там же. Ф. 33988. Оп. 2. Д. 69. Л. 173.
25. Там же. Ф. 3. Оп. 1. Д. 115. Л. 63.
26. Там же. Ф. 6. Оп. 10. Д. 3. Л. 395.
27. Соколов Б. Ф. Падение Северной области // Архив русской революции. Т. 9. Берлин. 1923. С. 50.
28. РГВА. Ф. 33987. Оп. 1. Д. 196. Л. 23.
29. Там же. Ф. 6. Оп. 10. Д. 11. Л. 313.
30. Там же. Л. 202.
31. Там же. Ф. 11. Оп. 5. Д. 1004. Л. 74.
32. Там же. Ф. 33987. Оп. 1. Д. 304. Л. 24 об.
33. Например: Там же. Ф. 6. Оп. 10. Д. 11. Л. 332.
34. Махров П. С. В белой армии генерала Деникина. Записки начальника штаба Главнокомандующего Вооружёнными Силами Юга России. СПб. 1994. С. 88–89.
35. Подробнее о биографиях и обстоятельствах службы офицеров-генштабистов можно узнать из готовящегося к печати биографического справочника А. В. Ганина «Корпус офицеров Генерального штаба в годы Гражданской войны 1917–1922 гг.», выход которого ожидается в ближайшее

- время в московском издательстве «Русский путь».
36. Трубецкой С. Е. Минувшее // Князь Трубецкий. Россия воспрянет! М. 1996. С. 262.
37. Список Генерального штаба. Исправлен по 1-е Июня 1914 года (С приложением изменений, объявленных в Высочайших приказах по 18 Июля 1914 г.). Пг. 1914. С. 360.
38. Обречены по рождению... СПб. 2004. С. 492.
39. Witkiewicz A. Wokół terroru białego i czerwonego 1917–1923. Warszawa. 2008. S. 236.
40. В. И. Ленин и ВЧК. С. 218.
41. Мозохин О. Б. Право на репрессию: Внесудебные полномочия органов государственной безопасности (1918–1953). М. 2006. С. 29–30.
42. РГВА. Ф. 11. Оп. 1. Д. 83. Л. 256–256 об.
43. РГВА. Ф. 33987. Оп. 2. Д. 89. Л. 267; Ф. Э. Дзержинский — председатель ВЧК—ОГПУ. 1917–1926. М. 2007. С. 148.
44. Почему вы миндальничаете? // ВЧК уполномочена сообщить... Жуковский; М. 2004. С. 132.